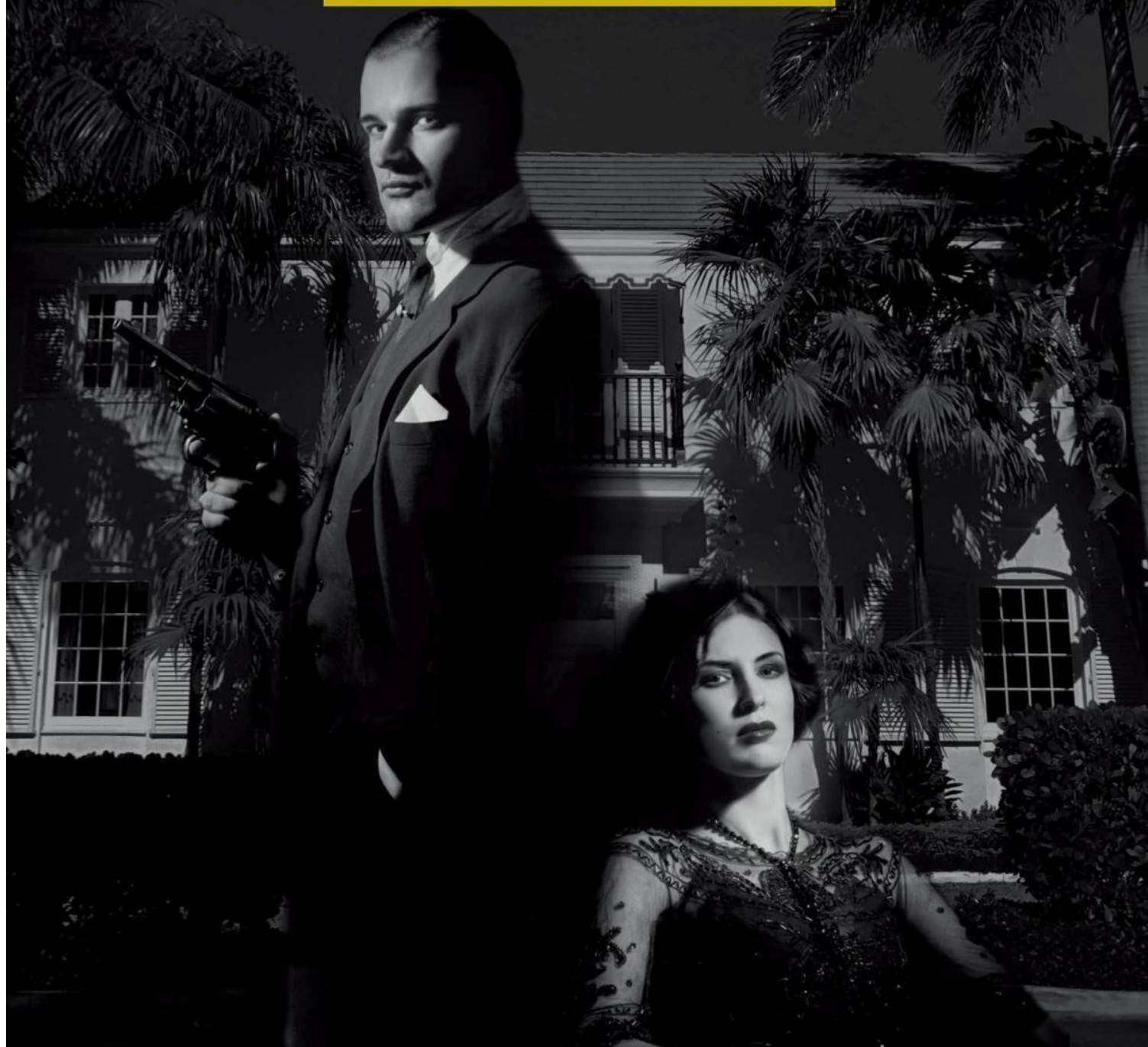

Джеймс Хэдли
Чейз

ИТАК, МОЯ
РАДОСТЬ...

Парадиз-Сити

Джеймс Чейз

Итак, моя радость...

«Азбука-Аттикус»

1967

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чейз Д. Х.

Итак, моя радость... / Д. Х. Чейз — «Азбука-Аттикус»,
1967 — (Парадиз-Сити)

ISBN 978-5-389-17432-0

За полвека писательской деятельности британский автор детективов Рене Брабазон Реймонд (1906–1985) опубликовал около девяноста криминальных романов и сменил несколько творческих псевдонимов. Самый прославленный из них — Джеймс Хэдли Чейз. «Я, как ищейка, беру след и чую, чего хочет читатель. И что он купит» — так мэтр объяснял успех своих романов, охотно раскрывая золотиносный секрет: читателей привлекают «действие и ритм». В романе «Итак, моя радость...» (1967) действие происходит в вымышленном курортном городке с говорящим названием Парадиз — райские пейзажи которого служат декорацией для многих его детективных историй.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17432-0

© Чейз Д. Х., 1967
© Азбука-Аттикус, 1967

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	20
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Джеймс Хэдли Чейз

Итак, моя радость

© И. Ю. Куберский, перевод, 2019

© Е. А. Королева, перевод, 2019

© А. Е. Герасимов, перевод, 1991

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Глава первая

Одним из главных аттракционов Парадиз-Сити был аквариум. Встреча ей была назначена в половине пятого у дельфинария, и она еще подумала, что это на редкость неудачное место для randevu. Она терпеть не могла толкаться среди туристов, из-за которых жизнь в Парадиз-Сити в это время года становилась совершенно невыносимой.

В третью неделю февраля, когда уже очень тепло, но еще не жарко, наступало излюбленное время техасцев, ньюйоркцев, а заодно и латиноамериканцев, и они затапливали город нескончаемым потоком богатства и вульгарности. Между четырьмя и пятью часами, после сiestы, когда до открытия казино делать было особенно нечего, толпы туристов забредали в прохладные, неярко освещенные гроты, где был устроен самый красочный аквариум в мире.

Она двигалась через толпу, и в ее зеленых глазах отражались тревога и смятение, а хрупкое тело чуть съеживалось под простым хлопковым платьем каждый раз, когда ее задевали жирные и старые, дряблые и морщинистые люди: они визгливо выкрикивали что-то, толкались и напирали, чтобы подобраться ближе и изумленно разинуть рот на тропических рыбок, которые с тем же изумлением разевали рты в ответ.

Вот интересно, его вообще удастся здесь найти? – подумала она и внезапно разозлилась: зачем он предложил такое место для встречи? Она почувствовала, как чьи-то горячие пальцы подхватили ее под ягодицу и ущипнули. Она рванулась вперед, даже не оглянувшись. К подобному обхождению она привыкла. Старые и чересчур богатые имели привычку щипать за зад. Она давно уже перестала обращать на это внимание. Такова расплата за изящную, точеную фигурку и миловидное личико... нельзя же получить все сразу, часто повторяла она себе. Ты либо серая мышка, лишенная привлекательности, либо ходишь с синяками. Она предпочитала синяки.

Прокладывая себе дорогу к дельфинарию, она чувствовала, как колотится сердце и даже мутит от страха. Пока она шла, ее глаза с тревогой пробежали по каждому лицу, возникавшему в тусклом свете, и она молила бога, чтобы не встретить никого из знакомых или коллег. Но, сливаясь с толпой вокруг, пихающейся, хохочущей и гомонящей, она начала понимать, что он выбрал верное место для встречи. Никому из ее друзей, ни одному работнику казино и в голову не придет заглянуть сюда, чтобы толкаться вместе с потной, вульгарной оравой туристов, озабоченной лишь тем, как убить час времени.

Она в итоге добралась до большого грота, где обитали дельфины. Здесь толпа была особенно плотной. Она слышала, как плещутся в воде крупные животные, ныряя за брошенной им рыбой. В дельфиньем гроте ощущался запах влаги, смешанный с ароматами дорогих духов и запахом пота, гомон веселящейся толпы бил по барабанным перепонкам, заставляя ее морщиться.

А потом она увидела его.

Он вышел из толпы, мягко улыбаясь, держа в руке белую панаму, его кремовый летний костюм был безупречно опрятен, в петлице – кроваво-красная гвоздика. Сам он был маленьким и хрупким, лет шестидесяти с небольшим, с худым коричневым лицом, серыми глазами и тонким ртом, постоянно растянутым в улыбке. Его редущие светлые волосы поседели на висках, нос походил на орлиный клюв. Этому человеку она теперь не доверяла, научилась бояться его, но он притягивал ее, как электромагнит притягивает сталь.

– Итак, моя радость... – произнес он, останавливаясь перед ней. – Вот мы и встретились снова.

Он говорил негромко, но отчетливо. Расслышать его никогда не составляло труда, где бы они ни встречались, даже в самых шумных местах. И начинал он с неизменного приветствия:

«Итак, моя радость...» Она знала, что оно неискреннее, как обещание алкоголика завязать, но это ее уже не волновало, как не волновали щипки за зад.

Когда они встретились впервые, он сказал, что его зовут Франклин Людовик. Он родился в Праге и работает внештатным журналистом. В Парадиз-Сити он приехал, чтобы написать большую статью о казино. В этом не было ничего удивительного. Многие журналисты приезжали, чтобы написать о здешнем казино. Оно считалось самым шикарным заведением во Флориде. Сейчас, на пике сезона, за ночь по обтянутым зеленым сукном столам перекочевывало до миллиона долларов, чаще в сторону крупье, а не игроков... но какая разница?

Людовик подошел к ней как-то днем, пока она загорала на пляже. Он покорила ее своей безобидностью и деликатными манерами, почтительным отношением, несмотря на ее юный возраст, и своей улыбкой. Он знает, что она работает в казино, признался он. И протянул ей тисненую визитку со своим именем и с магическими словами «журнал „Нью-Йоркер“» вместо адреса и телефона. Он пояснил, что собирает закрытую информацию о казино. Он сидел у ее ног на мягком песочке, сдвинув панаму на крючковатый нос, и говорил. Он рассказал, что уже взял интервью у Гарри Льюиса, управляющего казино. Тут его лицо искривилось в комической гримасе отчаяния. Вот это человек! Лишнего слова не вытянешь! Если полагаться на сведения, полученные от Гарри Льюиса, никогда не напишешь статьи, соответствующей невероятно высоким стандартам «Нью-Йоркера». И потому он решил расспросить ее. Она ведь вместе с другими девушками работает в хранилище казино. Он узнавал. Он поднял на нее серые глаза, в которых мелькнул озорной огонек. Итак, моя радость... Сколько же раз она слышала от него эту фразу, которая в итоге начала вызывать страх и недоверие! «Может, вы расскажете мне то, что я хочу знать, а я в свою очередь заплачу за сведения? Ну... сколько? „Нью-Йоркер“ богатый журнал. Скажем, пятьсот долларов? Как насчет пятисот долларов?»

У нее перехватило дыхание. Пятьсот долларов! Она отчаянно мечтала выйти замуж. Терри, ее ухажер, пока еще студент. Они оба согласились, что, если бы удалось достать пятьсот долларов, они рискнули бы пожениться, сняли бы хоть однокомнатную квартиру... но только где взять пятьсот долларов? И вот, пожалуйста, этот безобидный маленький человек предлагает ей необходимую сумму в обмен на тайны казино.

Она чуть было не согласилась в тот же миг, но вспомнила предостерегающий пункт своего контракта – контракта, который приходилось подписывать всем работникам казино. Никому из персонала не позволялось рассказывать о делах казино. За нарушение полагалось наказание в виде немедленного увольнения и возможного судебного преследования.

Заметив, что она колеблется, Людовик сказал:

– Я знаю, что вы подписали контракт, но вам нечего бояться. Подумайте сами. Никто и никогда не узнает, от кого я получил информацию. А пятьсот долларов все-таки неплохая сумма. И она может стать больше...

Он поднялся с песка, улыбнулся ей и пошел прочь, помахивая панамой и обходя раскормленные туши богачей, которые жарились на солнышке со своими варикозными венами, искривленными пальцами на ногах и лоснящимися жировыми складками.

В тот же вечер, когда она уже успела обдумать его предложение, он позвонил ей.

– Я поговорил с издателем. Он с легкостью согласился на тысячу. Я так рад. Мне казалось, он может заартачиться. Ну как, моя радость, за тысячу долларов вы согласитесь мне помочь?

И она помогла ему, несмотря на тошнотворное чувство вины и страх разоблачения. Он дал ей пятьсот долларов. Остальные пять сотен она получит, когда предоставит ему всю необходимую информацию, пояснил он, отечески улыбаясь. Он начал задавать вопросы, и они становились все более и более настораживающими, и вот тут до нее дошло, что он, возможно, вовсе никакой не журналист. Вполне вероятно, что он собирается ограбить казино. Иначе зачем ему интересоваться количеством охранников, суммами, которые попадают в хранилище каждый вечер, и системой сигнализации... ведь именно об этом стал бы спрашивать тот, кто задумал

огрابتь казино, не так ли? А потом последовало еще одно требование: ему нужны схемы электросети казино. Об этом он попросил ее три дня назад, когда они сидели в его обшарпанном «бьюике»-купе на уединенном пляже на окраине Парадиз-Сити. Эта просьба ее возмутила.

– Ну нет! Этого я не могу! Для статьи это точно не нужно! Я не понимаю. Я начинаю думать...

Он улыбнулся несколько кривовато, и его сухая, похожая на птичью лапку кисть деликатно опустилась на ее руку, заставив ее вздрогнуть и отстраниться.

– Не думайте, моя радость, – сказал он. – Мне необходимы схемы. И давайте не будем пререкаться. Мой журнал готов платить. Что, если мы выделим еще тысячу? – Он вытянул из кармана конверт. – А вот те пятьсот, что я вам должен... видите? Позже вы получите тысячу сверху.

Она взяла конверт, принялась заталкивать его в сумочку, сознавая, что этот человек по-настоящему опасен, что, несмотря на свою внешность, он задумал ограбить казино, он использует ее, чтобы сделать возможным невозможное. Если она получит еще тысячу долларов, ей больше не придется каждый вечер приходить в казино к семи и оставаться в хранилище до трех ночи. Она будет свободна и сможет выйти за Терри. Вся ее тоскливая жизнь изменится полностью.

Она внезапно решила, что, если этот маленький человечек действительно задумал ограбить казино, она ничего не желает об этом знать. Но вот получить еще одну тысячу она очень даже желает. Она колебалась, вероятно, минуту, а затем кивнула.

Однако задача оказалась непростой. Наконец ей удалось заполнить необходимые схемы. Но только потому, что у нее был доступ к папкам в главном офисе, где она время от времени подрабатывала днем, чтобы получать сверхурочные. Этот улыбчивый маленький человек доказал свою проницательность, выбрав в помощники ее. И этот человек, чье настоящее имя было Серж Мейски, был хитроумным и опасным, как змея. Он приехал в Парадиз-Сити десятью месяцами раньше. Он тайно наблюдал и собирал сведения о четырех девушках, которые работали в хранилище казино. И в конце концов решил сосредоточить внимание на привлекательной миниатюрной блондинке по имени Лана Эванс. Этот выбор доказывал, что его чутье и суждения безупречно точны. Еще немного – и Лана Эванс даст ему ключ к самому крупному и эффектному ограблению казино за всю историю ограблений казино.

И вот теперь они стояли лицом к лицу посреди колышущейся толпы туристов в тускло освещенном аквариуме, где, помимо многочисленных рыб, имелись еще и дрессированные дельфины. Он улыбнулся ей, взял за руку своей сухой птичьей лапкой и повел в сторонку, в относительно безлюдное место перед резервуаром, где обитал печальный, скупающий осьминог.

– Вам удалось?

Его улыбка была безупречна, как и его костюм, однако Лана Эванс ощущала исходившее от него крайнее нетерпение, и это нетерпение испугало ее.

Она кивнула.

– Великолепно. – Его нетерпение исчезло, словно светофор переключился с красного света на зеленый. – У меня с собой деньги... вся сумма. Целая тысяча хрустящих долларов. – Взгляд его серых глаз был устремлен мимо нее, скользя по лицам проходящих туристов. – Отдайте мне.

– Сначала деньги, – почти беззвучно выдохнула Лана Эванс. Она была ужасно испугана, а от влажного воздуха гротов едва не теряла сознание.

– Разумеется. – Он вынул из кармана брюк пухлый конверт. – Все здесь. Но не пересчитывайте на людях, моя радость. Кто-нибудь заметит. Где схемы?

Ее пальцы ощупывали конверт, ощущая хрустящие банкноты, скрытые от взгляда, но уже принадлежащие ей. На мгновение мелькнула мысль, не пытается ли он ее надуть, но она решила

пойти на риск. Похоже, в конверте полно денег. Ей хотелось побыстрее завершить этот опасный обмен. Она отдала ему схемы: несколько страниц с рисунками сложно переплетенных электрических проводов, тянувшихся от электрощитов казино, которые питали осветительные приборы, систему кондиционеров и многочисленные охранные сигнализации. Он очень быстро пробежал страницы глазами, переворачивая лишь до половины, показывая их одному только осьминогу, который отодвинулся подальше, спрятавшись за камень.

– Итак... – Он убрал доказательство ее предательства в карман брюк. – Вот мы и совершили весьма удачный обмен. – Он улыбнулся, его серые, с синеватым отливом глаза вдруг как-то помутнели, превратившись в комочки грязного снега. – О... и еще кое-что...

– Нет! – отрезала она. – Хватит! Мне плевать...

– Прошу вас. – Он вскинул руку – успокаивая, усмиряя. – Я больше ничего не хочу от вас. Я вполне доволен. Вы так мне посодествовали, было так приятно работать с вами, вы так надежны... могу ли я выразить свою признательность скромным, пустячным подарком? – Он достал из кармана небольшую квадратную коробочку, перевязанную красной с золотом лентой и с золотой этикеткой, на которой было написано волшебное имя «Диана». – Прошу вас, примите... Такая красивая девушка должна заботиться о своих ручках.

Она взяла коробочку, встревоженная этой неожиданной щедростью. Крем для рук «Диана» был создан и выпускался только для самых богатых. Держа в руке эту коробочку, она чувствовала себя даже богаче, чем в тот момент, когда получила от него конверт.

– Ну что вы... спасибо...

– Спасибо вам, моя радость... Прощайте.

Он растаял в толпе, словно маленькое добродушное привидение: только что он еще улыбался ей, а в следующий миг уже исчез. Он скрылся так быстро, что даже сложно было поверить, что он вообще стоял перед ней. А вместо него, широко улыбаясь, появился краснорожий здоровяк в цветастой желто-голубой рубашке.

– Томпсон из Миннеаполиса, – представился он громким, рокочущим голосом. – Видали, что вытворяют эти чертовы дельфины? Ни разу в жизни не видел ничего подобного!

Она смотрела на него пустым взглядом, понемногу отступая, а потом, уверившись, что он не дотянется до нее своими лапами, развернулась и размеренно зашагала к выходу, крепко сжимая в руке коробочку, в которой лежала ее смерть.

Они добирались до Парадиз-Сити по одному, осторожно, словно крысы, которые с опаской выходят на солнечный свет.

В это время, в разгар сезона, полиция усиленно следила за аэропортом и вокзалом. Дополнительные полицейские посты были организованы и на трех самых крупных шоссе, ведущих в Парадиз-Сити. Полицейские, наделенные фотографической памятью, поджидали у многочисленных шлагбаумов, и жесткие глаза копов внимательно осматривали каждого пассажира, проходившего через пропускной пункт. Время от времени кто-нибудь из них поднимал руку, веля пассажиру остановиться. Его или ее увлекали в сторону от медленно текущего потока приезжих.

Диалог происходил всегда один и тот же:

– Здравствуйте, Джек (Чарли, Лулу), у вас имеется обратный билет? Лучше сразу воспользуйтесь им – здесь вас не ждут.

Точно такой же диалог происходил и на контрольных пунктах на шоссе, когда некоторые машины извлекались из общего потока и их отправляли обратно в Майами.

Благодаря полицейскому надзору сотням крупных и мелких преступников не удавалось попасть в город, чтобы потрошить кошельки богачей.

И потому четыре человека, получившие некое многообещающее приглашение и предупрежденные о полицейских кордонах, прибыли в город поодиночке и с соблюдением мер предосторожности.

Джесс Чандлер, на которого у полиции не было ничего, прилетел самолетом. Этот рослый, красивый, жизнерадостный с виду мужчина двинулся на полицейское заграждение без малейших колебаний, уверенный, что его фальшивый паспорт и гладко придуманная легенда о том, что он зажиточный кофейный плантатор из Бразилии, удовлетворят пристальный интерес полиции.

К своим тридцати девяти годам Чандлер считался в мире криминала одним из самых ловких и хитроумных мошенников. Его внешность кинозвезды сильно помогала в работе. Худощавое загорелое лицо, аккуратный нос и полные губы, высокие скулы и большие темные глаза складывались в портрет самоуверенного сердцееда, чувственного и бесшабашного, и некоторые женщины улавливали это, ощущая внезапное влечение к нему даже в длинной очереди к выходу из аэропорта, за стенами которого ждали солнечный свет и тепло.

Двое дежурных полицейских внимательно изучили Чандлера. Он в ответ смотрел на них: взгляд его был скучающим, выражение лица немного презрительное. Он не выказывал страха, а именно страх высматривали полицейские. Бросив на его паспорт всего лишь короткий взгляд, они жестом отпустили его, и он двинулся к ряду стоявших наготове такси.

Чандлер переложил чемодан из одной руки в другую и широко улыбнулся. Он знал, что это будет легко... так и получилось.

Миш Коллинз был вынужден проявить бо`льшую осмотрительность. Он всего два месяца как вышел из тюрьмы, и во всех отделениях полиции имелась его фотография. Ему пришлось несколько часов поломать голову, чтобы придумать, как лучше всего миновать полицейский кордон, не отвечая на неудобные вопросы. В итоге он купил экскурсионный тур из Майами в парк Эверглейдс и обратно с ночевкой в Парадиз-Сити. В автобусе, набитом шумными, радостными, слегка нетрезвыми туристами, он ощущал себя в сравнительной безопасности. Еще он прихватил с собой губную гармошку. Минут за десять до полицейского поста он начал играть, к восторгу своих попутчиков. Гармошка, зажата в больших мясистых ладонях, полностью скрыла его лицо. Он выбрал себе место в самом конце автобуса, рядом с тремя такими же мускулистыми здоровяками, как он сам, и полицейский, поднявшийся в автобус, едва взглянул в его сторону, прежде чем сосредоточиться на остальных потных, осоловелых физиономиях, широко улыбававшихся ему.

Вот таким способом Миш Коллинз благополучно прибыл в Парадиз-Сити, а ведь полиция немедленно завернула бы обратно этого человека, если бы узнала его, потому что Миш Коллинз был не просто одним из самых лучших «медвежатников» в стране – о нем ходили такие слухи, что многие производители сигнализаций содрогались от одного его имени.

Мишу Коллинзу был сорок один год. Пятнадцать лет своей жизни он провел в тюрьме, иногда выходя на свободу. Он был массивным и толстым, его бугрившееся мышцами тело обладало огромной силой. Рыжие волосы уже начали редеть, а грубое, невыразительное лицо из-за пережитых тягот было прорезано глубокими морщинами. В его небольших, полных тревоги глазах горел задорный, хитроватый огонек, благодаря которому люди не особенно проникательные испытывали к нему симпатию.

Когда автобус подъехал к автовокзалу, он отвел экскурсовода в сторонку и сказал, что обратно не поедет.

– Я тут вспомнил, что у меня в городе живет приятель, – пояснил он. – Вы сдайте мой обратный билет, а деньги оставьте себе. Вы честно их заслужили.

И прежде чем экскурсовод хотя бы успел сказать спасибо, Миш исчез в людском водовороте.

Джек Перри приехал на собственном «олдсмобиле», шикарной модели «катласс» с откидным верхом, теперь уже несколько потрепанной, но все равно очень красивой. Он знал, что в полиции Вашингтона в картотеке отпечатков имеется один его «пальчик», всего один, указательный правой руки, и то была единственная ошибка, которую он допустил за долгую криминальную карьеру, – и эту тайну он хранил глубоко в себе, словно раковую опухоль. По крайней мере, его фотографий у полиции не было, и он подъехал к полицейскому посту, уверенный, что два бугая, проверявшие машины, понятия не имеют, что повстречали профессионального киллера.

Последние двадцать семь лет Перри зарабатывал на жизнь своей «пушкой». Он был метким стрелком, совершенно, абсолютно аморальным, и человеческая жизнь значила для него не больше плевка на тротуаре. Однако он был транжира, и денег ему вечно не хватало: главную роль в его жизни играли женщины... а где женщины, там и расходы.

Ему было сейчас около шестидесяти двух, невысокий, крепко сбитый мужчина с коротко стриженными белыми волосами, с круглым, одутловатым лицом, широко расставленными глазами под кустистыми седыми бровями, тонким ртом и крючковатым носом. Одевался он старомодно. Сейчас на нем были серый летний костюм, кроваво-красный галстук и панاما кремового оттенка. Он постоянно улыбался, хотя улыбка больше походила на гримасу, и, если бы у него были друзья, они обязательно прозвали бы его «Смайликом», только вот у него не было друзей. Это был одинокий безжалостный убийца, лишенный души, не испытывавший чувств ни к кому, даже к себе.

Он остановился за машиной, притормозившей впереди, дожидаясь, пока двое полицейских проверят документы ее пассажиров. Потом, когда они жестами велели двигаться дальше, Перри плавно подкатил к ожидавшим его служивым.

Посмотрел на них со своей приклеенной улыбочкой.

– Привет, ребята, – произнес он, помахав пухлой рукой. – Я что-нибудь нарушил?

Патрульный Фред О’Тул простоял на посту уже четыре часа. Это был крупный ирландец с черными волосами и настороженным, холодным взглядом. Фреду осточертели все эти люди, которые проползали мимо его пропускного пункта на своих шикарных тачках, со своими тупыми шуточками, заискивающими улыбками, самодовольством и высокомерием. Все они спешили хорошо провести время: азартные игры, самая лучшая еда, лучшие отели, лучшие шлюхи, – а он торчал тут под жарким вечерним солнцем, чувствуя, как горят ноги, и махал, чтобы они проезжали, зная, что как только они отъедут подальше, то непременно отпустят какое-нибудь презрительное замечание в адрес «проклятого ирландца».

Этот жирный старикан с широкой улыбкой не понравился О’Тулу с первого взгляда. У него не было никаких причин для неприязни, однако при виде этой ухмылки и пустого взгляда водянисто-голубых глаз все в нем взбунтовалось.

– Паспорт есть? – рыкнул он, опуская руку в перчатке на открытое окно автомобиля и пристально глядя на Перри сверху вниз.

– Да на что мне паспорт? – удивился Перри. – У меня есть водительское удостоверение... подойдет?

О’Тул протянул руку.

Перри дал ему удостоверение, обошедшееся в четыре сотни долларов, – недешевый клочок бумаги, но он того стоил. Отпечаток указательного пальца правой руки был мастерски изменен, а на подобное усовершенствование денег не жалко.

– С какой целью прибыли?

– Как следует поесть, поиграть и повеселиться с девчонками, – сказал Перри, засмеявшись. – Я в отпуске, приятель... и видит бог, я себя отпущу на свободу!

О’Тул продолжал сверлить его взглядом, но удостоверение вернул. А Джексон, второй патрульный, увидев, какой огромный затор вызвали расспросы О’Тула, брюзгливо произнес:

– Слушай, Фред, я тебя умоляю, там очередь из этих паршивцев на целую милю.

О’Тул отступил назад и махнул Перри, чтобы проезжал. Улыбка Перри сделалась еще шире, нога вжала в пол педаль газа, и «катласс» набрал скорость.

Ага, получилось, подумал он, шлепнув по кнопке радиоприемника. Он одурачил этих олухов, а значит... «Встречай, Парадиз-Сити, я еду!»

Вашингтону Смигу пришлось добираться до Парадиз-Сити с особыми предосторожностями. Негров здесь не жаловали, какими бы уважаемыми они ни были, а Вашингтон Смит в данный момент был далек от уважения. Всего две недели назад его выпустили из тюрьмы. Его преступление заключалось в том, что он избил двух полицейских, загнавших его в уличный тупик и собиравшихся покуражиться над ним. Ему хватило глупости участвовать в тот день в митинге за право голоса для всех. Митинг был безжалостно разогнан, протестанты разбежались, и поскольку Вэш – так его звали друзья – был маленьким и худым, два здоровенных копа погнались за ним, чтобы как следует почесать кулаки. Вот только Вэш был участником турнира «Золотые перчатки»¹ в полусреднем весе². Вместо того чтобы безропотно принять побои, он уложил обоих полицейских двумя красивыми хуками слева. Потом он побежал, но убежал не далеко. Пуля, попавшая в ногу, остановила его, а опустившаяся на голову дубинка лишила сознания. Он отсидел восемь месяцев за сопротивление аресту и вышел из тюрьмы озлобленным и полным решимости отныне и впредь мстить всем белым.

Получив приглашение в Парадиз-Сити, он засомневался. Он спрашивал себя, не ловушка ли это? Письмо было коротким.

Наклеывается одна весьма прибыльная работа. Тебя рекомендовал Миш. Если тебя интересуют ОЧЕНЬ хорошие деньги, будь двадцатого февраля в десять вечера в ресторане «Черный краб». То, что лежит в конверте, – на дорогу. Полиция стережет все въезды в Парадиз-Сити. Будь осторожен. Спросишь мистера Людовика.

Может, это и розыгрыш, решил Вэш, но весьма недешевый. В конверт были вложены две стодолларовые бумажки.

Кроме того, он знал Миша, познакомился с ним в тюрьме и успел полюбить и уважать. Очень хорошие деньги! Именно это ему сейчас необходимо. Без хороших денег негру не жить, как он хочет. Вэш решил, что терять ему нечего.

Он въехал в Парадиз-Сити, спрятавшись за ящиками с салатом, которые везли в отель «Парадиз-Риц». Пока он лежал в грузовике, дожидаясь, когда машину пропустят через пост, сердце тяжело колотилось, а нервы были натянуты как струны. Но он, как и трое других, миновал полицейский заслон, поставленный для защиты денежных мешков Парадиз-Сити. Первый пункт плана Сержа Мейски по ограблению богатейшего в мире казино был выполнен.

Ресторан «Черный краб» находился в трехэтажном деревянном здании на сваях, которое стояло прямо в море, в тридцати ярдах от берега, соединенное с сушей узким причалом. Это было излюбленное заведение ловцов губок из «Флоридской морской мануфактуры», здесь бывало очень мало туристов, и сюда почти не заглядывали обитатели Сикомба. Место славилось шумными попойками, потасовками и отличной морской кухней.

На верхнем этаже здания находились три отдельных обеденных зала. Туда попадали по наружной лестнице, и те, кому требовалось обсудить что-то важное, могли не сомневаться в полной конфиденциальности. Чернокожий официант, обслуживавший третий этаж, был глухонемым.

В самом большом из обеденных залов, с видом на далекие огни Парадиз-Сити и стоявшие на якоре яхты, уже был накрыт к ужину стол на пятерых.

¹ Ежегодный турнир по любительскому боксу, проводимый в США с марта 1928 года. (Здесь и далее примеч. перев.)

² Вес до 66,678 кг в профессиональном боксе или от 64 до 69 кг в любительском.

Первым явился Миш Коллинз. Джос, чернокожий официант, взглянул на него, кивнул, а потом безмолвно протянул бокал с тройной порцией рома, куда были добавлены лайм и колотый лед.

Перри и Чандлер пришли вместе, а примерно через минуту после них в комнату смущенно проскользнул Вашингтон Смит.

Миш взял на себя обязанности хозяина.

– Добро пожаловать, парни, – сказал он. – Чувствуйте себя как дома. Негритос глухой и тупой. Не обращайтесь на него внимания. – Он лучезарно улыбнулся Вэшу, протягивая руку. – Привет, приятель. Сто лет не виделись.

Пока Вэш, кивая, жал протянутую руку, Перри с усмешкой рассматривал его своими холодными глазами.

Чандлер отказался от рома с лаймом, спросив виски с содовой. Джос окинул его пустым взглядом, а потом снова принялся открывать устрицы, лежавшие на блюде со льдом.

– Смешай сам, – сказал Миш. – Здесь есть все необходимое. Я же говорил... разве ты не понял? Этот парень глухонемой.

Все еще не сводя взгляда с Вэша, Перри спросил:

– Кто он? И что он здесь делает?

– Что все мы здесь делаем? – спросил Миш и засмеялся. – Присаживайтесь, ребята. Давайте познакомимся. – Он указал на Чандлера, уже смешавшего себе коктейль и глядевшего в окно. – Это Джесс. – Он перевел толстый палец на Вашингтона Смита. – Это Вэш. – Он кивнул на Перри. – Джек. Кажется, меня вы все знаете. Давайте, парни, расслабьтесь. – С этими словами он подошел к стулу и сел.

Вэш отказался от алкоголя. Он смущенно застыл у двери. В компании белых он всегда ощущал неловкость и был настороже.

Перри выбрал стул подальше от Миша. Он присел, поигрывая бокалом в руке, крепко сжимая мелкими белыми зубами потухшую сигару.

– Это что, вечеринка? – поинтересовался он, окидывая комнату взглядом водянисто-голубых глаз.

– Точно, – радостно согласился Миш. – Вечеринка.

Чандлер обернулся. На его красивом лице читалось раздражение.

– А ты хоть что-нибудь знаешь о деле?

– Не много.

– Кто такой этот Людовик?

– Да... о нем я знаю. – Миш с восхищением помотал головой. – Вот о нем я могу вам рассказать. Во-первых, это не настоящее его имя. На самом деле он Серж Мейски. Я познакомился с ним в роксбургской тюрьме. Он там работал... фармацевтом.

– Что это еще за хрень... фармацевт? – спросил Перри.

– Он заведовал в тюрьме таблетками и прочими снадобьями, – пояснил Миш. – Лепила³ пропишет тебе пилюльку, а Мейски ее выдаст. Он проработал там десять лет... умнейший парень. Мы с ним здорово сдружились. Я сам не свой до таблеток. Перед тем как выйти на пенсию, он поделился со мной одной мыслью, как сорвать самый большой куш на свете. Он сказал, что, когда все подготовит, ему понадобятся я и еще трое. Я выбрал вас троих. Позже поблагодарите. – Невыразительное лицо Миша прорезала широкая ухмылка. – И вот что я вам скажу, ребята. Хоть с виду он слабый и безобидный, безобиден он, как гремучая змея, а какая у него башка! Настоящая водородная бомба! И еще: когда он говорит, что куш большой, я верю. Потому-то я здесь. Не знаю, в чем именно заключается работа, но...

³ На тюремном жаргоне это слово означает «врач».

– Потому-то здесь я... чтобы вам рассказать, – мягко проговорил Мейски, стоя в дверном проеме.

Перри оцепенел. Рука успела дернуться, потянувшись к спрятанному пистолету. Чандлер вздрогнул, расплескав свой бокал. Вэш быстро отступил от двери. Только Миш сохранил спокойствие: он так и сидел, широко улыбаясь.

Мейски закрыл дверь. Он отрицательно качнул головой Джосу, когда негр потянулся за бокалом, а затем по очереди, не торопясь, оглядел всех четверых.

– Джентльмены, – сказал он своим негромким, отчетливым голосом. – Очень рад познакомиться с вами. Надеюсь, все вы добрались сюда без помех. – Он сверлил их своими серыми глазами. – Без помех?

Все четверо закивали.

– Великолепно. Давайте поужинаем. Я уверен, что вы проголодались. А потом, и только потом мы обсудим наши дела.

Спустя час Миш отодвинулся от стола вместе со стулом и негромко рыгнул.

– Отличный ужин, – сказал он. – Совсем не то, чем нас пичкали в Рокси, правда, док?

Мейски улыбнулся:

– Не будем вспоминать о грустном. – Он закурил сигарету, предложил пачку Вэш, который отрицательно покачал головой, затем, увидев, что Перри раскуривает сигару, а Миш и Чандлер уже курят, убрал пачку в карман.

За ужином Мейски главенствовал над всей четверкой. Его мягкие, спокойные манеры сбивали их с толку, всех, кроме Миша, который хорошо его знал и лучился улыбкой, словно гордая мамаша, демонстрирующая свое гениальное чадо. Мейски говорил о политике, путешествиях и женщинах. Слова текли ровным потоком, но время от времени он задавал кому-нибудь из мужчин короткий неожиданный вопрос, внимательно выслушивал ответ, а затем продолжал свой монолог. Ел он очень мало, зато за прошедший час каким-то волшебным образом сумел снять напряжение, и все четверо теперь чувствовали себя друг с другом свободно. Даже Вэш успокоился.

Когда глухонемой убрал со стола, принес две бутылки виски, лед и бокалы, поставил все поближе к гостям и вышел, Мейски опустил острый подбородок на свои птичьи лапки и произнес:

– Итак, джентльмены, поговорим о деле. Я хочу сделать вам одно предложение. Миш, вероятно, рассказал вам, что мы тесно общались три года. Другого такого любителя таблеток, как Миш, еще поискать. За время, проведенное вместе, у меня сложилось впечатление, что он настоящий мастер своего дела, и я узнал, что он знаком с другими профессионалами. Поэтому я и попросил его разыскать вас, джентльмены. Что касается Вэша... он не совсем такой, как мы. Он не преступник, – мягкая улыбка сделалась шире, – но он необходим для моего плана, ему нужны деньги, и у него имеются причины для недовольства.

Остальные поглядели на Вэша, который с тревогой всматривался в них.

Чандлер в нетерпении смял окурок.

– Да какая разница? – сказал он. – Давайте уже выслушаем предложение. Что это за болтовня по поводу большого куша?

Мейски посмотрел на него с добродушной укоризной.

– Прошу вас, друг мой... я знаю, что в прошлом у вас было много успешных дел, но постарайтесь проявить терпение. У нас команда... мы должны понимать друг друга, и мы должны работать в тесной связке, иначе нас ждет провал.

– Так что за предложение? – повторил Чандлер.

– Мы собрались, чтобы забрать у казино два миллиона долларов, – сказал Мейски.

Долгий миг стояла абсолютная тишина. Даже самонадеянная улыбка Миша вдруг куда-то подевалась. Все четверо смотрели на Мейски с тревогой и недоверием.

– Два миллиона долларов? – повторил Чандлер, первым пришедший в себя. – Знаете, у меня есть дела поважнее. Что это за нелепость... два миллиона?

Мейски указал на бутылки виски:

– Прошу вас, джентльмены, угощайтесь. Мне, к сожалению, нельзя... врач запретил. – Он повернулся к Перри. – Вы слышали, что я сказал. Джесс, я вижу, мне не верит... А вы?

Перри выпустил в потолок тонкую струйку сигарного дыма.

– Рассказывайте дальше, – предложил он. – Не обращайтесь внимания на нашего молодого друга. Он от природы паникер. А вы рассказывайте. Я слушаю.

Чандлер крутанулся на месте и впился взглядом в Перри, который ответил ему таким же пристальным взглядом. От этих водянисто-голубых глаз по спине у Чандлера прошел озноб. Он не любил насилия, и от выражения лица Перри ему стало не по себе. Он сделал усилие, чтобы равнодушно пожать плечами, и потянулся к бутылке виски.

– Ладно... излагайте, – произнес он.

Мейски поудобнее устроился на стуле.

– Много лет я мечтал сорвать большой куш, – сказал он. – Наконец я решил, что возьму его здесь, если подыщу несколько помощников, знающих свое дело. Мы сможем вынести из казино два миллиона, но только если всем вам хватит силы духа и вы будете в точности исполнять мои указания. Если вы не в состоянии следовать двум этим простым условиям, забудьте о деле. – Его глаза, превратившиеся теперь в льдинки, внимательно оглядели каждого по очереди, прежде чем он спросил: – Вы в состоянии?

Миш сказал:

– Все, что прикажете, док, я готов. Рассчитывайте на меня.

Мейски пропустил его слова мимо ушей, всматриваясь в Чандлера.

– А вы?

– Ограбить казино? – переспросил Чандлер. – Это невозможно. Пару лет назад один парень подкатил ко мне с таким же предложением. Он хотел войти туда с десятком человек, но мы...

Презрительная усмешка Мейски заставила его умолкнуть. Двое мужчин снова посмотрели друг на друга, а потом Чандлер сказал:

– Ладно, так и быть, если вы считаете себя таким умником, я выслушаю ваше предложение, но говорю вам: там двадцать тщательно отобранных охранников, системы сигнализации, да и копы постоянно присматривают за этим местом... но, так и быть, я послушаю.

Мейски мягко проговорил:

– Вам придется сделать чуть больше, Джесс. Вы либо «за», либо «против»... Выбирайте прямо сейчас.

Чандлер колебался, но затем махнул рукой, соглашаясь. До него внезапно дошло, что он имеет дело с человеком смертельно опасным, таким же как Перри, а уж подноготную Перри он знал.

– Ладно... ладно... рассчитывайте на меня. Я по-прежнему сомневаюсь, что это возможно, но, если у вас иное мнение, я согласен пойти с вами.

Мейски взглянул на Перри, и тот широко улыбнулся ему.

– Я-то точно с вами. Только разъясните мне суть, – сказал он.

Мейски посмотрел на Вэша:

– А вы?

Маленький негр заерзал на стуле, но только потому, что все остальные уставились на него, а он всегда ощущал неловкость, когда на него пристально смотрят белые. Отвечая, он несколько не сомневался:

– Конечно... что мне терять?

Мейски откинулся на спинку стула, улыбаясь:

– Это очень хорошо. Правильно ли я понимаю, что, если вы, джентльмены, согласились, я могу на вас положиться? – Он подождал, пока все четверо по очереди кивнут, и затем продолжил: – Вы наливайте себе, а я расскажу, как можно повернуть это дело.

Последовала короткая пауза, пока мужчины наполняли бокалы. Миш протянул бутылку виски Вэшу, но тот покачал головой. Все закурили, устроились поудобнее и принялись ждать, глядя, как Мейски достает толстую папку для бумаг.

– Прежде всего, я немного расскажу вам о казино, – начал он, выкладывая бумаги на стол перед собой. – Сейчас самый разгар сезона. В субботу – это послезавтра – в казино скопится около трех миллионов наличными. Если мы преодолеем все препятствия, то сможем выйти оттуда с двумя миллионами. Если поделить два миллиона долларов на пятерых, каждому достанется по триста тысяч.

Чандлер заметил резко:

– У меня другая арифметика. Получается по четыреста тысяч!

Мейски мягко улыбнулся:

– Вы совершенно правы, но я заберу львиную долю. Каждый из вас получит по триста тысяч, а все остальное достанется мне, потому что я несу большие расходы. Я разработал план, я сделал все, чтобы он осуществился, и, если вам интересно, я провел в городе последние девять месяцев. Мне пришлось снять дом и выложить порядочную сумму за информацию. И потому... – он развел своими птичьими лапками, – я получаю львиную долю.

– Конечно, док, – сказал Миш. – Это справедливо. Триста тысяч долларов! Ничего себе! Да я всю жизнь мечтал о таких деньгах!

– Ты их еще не получил, – вставил Чандлер.

Мейски подался вперед:

– Могу я продолжить? Позвольте рассказать о казино. Джесс говорит, что уже подумывал о том, чтобы ворваться в игровой зал с десятком человек. – Он рассмеялся. – Ну, разумеется, это не принесет никаких результатов. В субботу вечером максимальная сумма на столах составит около четверти миллиона. Остальные деньги лежат в хранилище прямо под игровыми залами. Когда наличных не хватает, их поднимают наверх в маленьких лифтах-коробках. Пока идет игра, у каждого лифта дежурят по два вооруженных охранника. Когда на столах скапливаются значительные суммы, их спускают в хранилище. И потому деньги движутся постоянно... вверх и вниз... и их все время тщательно охраняют. – Он умолк, чтобы закурить очередную сигарету, а затем продолжил: – Когда я несколько дней понаблюдал за происходящим, мне стало очевидно, что нашей целью должно быть хранилище. Деньги там аккуратно рассортированы. В хранилище работают четыре девушки и два вооруженных охранника. Девушки сортируют деньги, охранники стоят начеку. Хранилище защищено стальной дверью, и просто так туда не пускают никого, только по официальному делу. Заведенному порядку следуют уже много лет. Вот тут-то и находится их уязвимое место. И потому мы войдем в хранилище, возьмем деньги и выйдем.

Он выдержал очередную нарочитую паузу, поглядывая на всех четверых. Миш нахмурился и принялся скрести в голове. Вэш сидел неподвижно, его черное лицо было лишено всякого выражения. Перри по-прежнему рассматривал потолок. Подобные планы нагоняли на него скуку. Ему хотелось, чтобы кто-нибудь сказал ему, что нужно сделать, и он тогда приступил бы к действию. Чандлер смотрел на Мейски так, словно перед ним сидел умалишенный.

– Да ради всего святого! – воскликнул он. – Это и есть ваша теория? Попасть в их хранилище нет никакой надежды. Что это вы затеяли... играть с нами в игры?

Мейски достал из кармана пиджака блестящий стальной цилиндр, не больше шести дюймов в высоту. Он поставил его на стол с преувеличенной осторожностью человека, демонстрирующего гениальное произведение искусства.

– Вот решение нашей проблемы, – сказал он. – Благодаря этому мы без особого труда вынесем из хранилища деньги.

Четверо мужчин уставились на сверкающий цилиндр на столе.

После паузы Перри поинтересовался:

– И что это за хреновина?

– Внутри парализующий газ, – пояснил Мейски. – Весьма неординарная смесь под очень сильным давлением. Действует в течение десяти секунд.

Чандлер потер шею, глядя на Мейски:

– А он... смертельный?

– О нет. Часа через четыре, может пять, действие прекращается. Мы ограбим казино, не поднимая шума, друзья мои.

– Ясно, а что еще вам известно? Задумка отличная, – сказал Перри. – Продолжайте... расскажите нам поподробнее.

Мейски взял со стола бумаги и протянул Мишу:

– Взгляните-ка сюда. Это вам о чем-нибудь говорит?

Миш откинулся на спинку стула и принялся изучать схемы электросетей казино. Спустя всего пару секунд он понял, на что именно смотрит, и, когда оторвал взгляд от бумаг, его красная физиономия расплылась в восхищенной улыбке.

– Снимаю шляпу, док. Ну конечно, теперь-то я понимаю. Как вам удалось раздобыть такие бумажки?

Мейски пожал плечами:

– Как я уже упоминал, я провел здесь девять месяцев, и я не терял времени даром.

Чандлер заглянул Мишу через плечо, затем перевел взгляд на Мейски.

– Вы, несомненно, поработали над планом, но я пока еще не убежден до конца. Что именно нам предстоит сделать? – спросил он.

– План пока общий. Казино закрывается в три часа ночи. К половине третьего почти все деньги возвращаются в хранилище. Это и есть время нашего нападения. В целом схема следующая. Ровно в половине третьего Миш войдет в казино, одетый в форму работника городской электросети. Форму я уже раздобыл. Он скажет, что возникли перебои в электропитании и ему необходимо проверить распределительные щиты. В это время всех проходящих встречает только швейцар. С тех пор как я здесь, я бываю в казино каждый вечер, и я знаю, что без четверти два главный офис закрывается. Гарри Льюис, управляющий, в это время постоянно находится в игровых залах, вплоть до самого закрытия казино. Его секретари уходят домой еще раньше. Поэтому у вас не возникнет осложнений. Швейцар перед входом будет уверен, что вас вызвал Льюис, и покажет, где находятся распределительные щиты. Вам придется очень точно уложиться в отведенное время, Миш. А теперь взгляните на схему. Прежде всего, я хочу, чтобы вы отключили кондиционер в хранилище.

Остальные смотрели, как Миш изучает схемы. Спустя несколько мгновений он поднял голову и кивнул:

– Можно... это легко.

– Да... я так и думал, что для вас это не составит труда. – Голос Мейски был тихим и уверенным. – Еще в хранилище имеется счетный аппарат, которым девушки пользуются, чтобы пересчитывать поступающие банкноты. Необходимо, чтобы он заработал с перебоями. Я уверен, вы найдете, к какому щиту он подключен.

Миш кивнул, еще раз заглянув в схему.

– Конечно, – сказал он. – Никаких проблем.

– Итак, эта работа поручается вам. Вы отключите кондиционер и заставите счетную машину работать с перебоями. Пока что я просто набрасываю общий план. Разумеется, позже мы продумаем все детали. А теперь... – Он взглянул на Чандлера. – Вам предстоит сыграть

более сложную роль. Вы с Вашем ровно в половине третьего подъедете к казино на маленьком фургоне... машина стоит у меня в гараже. На вас обоих будет униформа инженеров компании «Ай-би-эм», при вас будет коробка, в которой, предположительно, будет лежать счетный аппарат. Конечно же, никакого аппарата там не будет. Там будут два противогАЗа и два автомата. Все необходимое я уже раздобыл. Джесс скажет охраннику при входе в хранилище, что ему только что позвонил мистер Льюис и приказал установить новую счетную машину. Пока Джесс говорит с охранником при входе, Миш заставит счетный аппарат забарахлить. И поэтому, когда Джесс с Вашем подойдут к двери хранилища, охранники внутри уже будут знать о поломке машины. Джессу придется убедить охранников впустить его в хранилище... это не должно вызвать особых проблем. На Джессе с Вашем будет соответствующая форма, они принесут коробку, на которой со всех сторон будет написано «Ай-би-эм». Девушки успеют пожаловаться, что техника вышла из строя. Полагаю, с учетом человеческой психологии, мы справимся. Оказавшись внутри, Чандлер откроет коробку и возьмет на мушку охранников. Ваш наденет противогАЗ, затем сменит Чандлера, и тот тоже наденет противогАЗ. Прodelать все это необходимо очень быстро и решительно. Само собой, завтра мы поупражняемся. Прежде чем охранники успеют поднять тревогу, Джесс разобьет баллончик с газом. Это очень легко. Стоит резко ударить по какому-нибудь твердому предмету... стол... стена... любая жесткая поверхность, и газ вырвется наружу. Через десять секунд оказывать сопротивление будет некому. Хранилище наполнится газом. Затем вы двое уложите деньги в коробку, столько, сколько влезет... этого будет более чем достаточно. Выбирайте только пятисотенные купюры. Они уже будут сложены пачками, брать их будет легко. Наполнив коробку, выходите. Охранник на входе будет уверен, что вы выносите в коробке сломанный счетный аппарат. Вы поставите коробку в фургон, и мы уедем. Таков мой план вкратце. Разумеется, все детали мы подробно обсудим и отрепетируем, но сделаем это уже завтра вечером.

Он откинулся на спинку стула, стряхнул пепел с сигареты и вопросительно взглянул на четверых мужчин, сосредоточенно слушавших его.

Перри спросил:

– А когда же мой выход?

– Ах да... вы. – Мейски улыбнулся ему. – На вас тоже будет форма работника «Ай-би-эм». Вы войдете с Джессом и Вашем, но только останетесь с охранником при входе. Я позже расскажу вам о нем. Это старик, который очень любит поболтать. И ваша работа – поболтать с ним. Я не предвижу никаких затруднений, но мы должны быть готовы их устранить, если они все же возникнут. Какой-нибудь не в меру любопытный служащий может сунуть туда свой нос, начнет задавать неудобные вопросы. – Мейски пристально смотрел на Перри. – Я уверен, что вы сможете устранить любые неприятности в виде не в меру любопытных служащих.

Перри ухмыльнулся:

– Отлично... если это все, что от меня требуется, – легко!

Чандлер резко произнес:

– Мы знаем, в чем заключается задача Миша, Вэша, Джека и моя. Но чем именно займетесь вы?

– Я поведу фургон, – сказал Мейски. – Я гораздо старше любого из вас, и я не предполагал своего активного участия в операции. Нам придется как можно быстрее убираться оттуда, и я знаю, что прекрасно справлюсь с фургоном. – Он помолчал, ожидая других вопросов, но, поскольку никто ничего не сказал, продолжил: – Есть один момент, с которым мы должны смириться. Новость об ограблении распространится очень быстро. Шеф полиции здесь до чрезвычайности расторопный. И мы нарвемся на неприятности, если попытаемся уехать из города с деньгами раньше, чем уляжется шумиха. Деньги мы закопаем у меня в саду. Затем разделимся, отдохнем в городе, а после, когда все затихнет, каждый заберет свою долю и отправится куда хочет сам по себе.

Перри сказал:

– Нет, так мне не нравится. Мы поделим деньги сразу, и каждый пусть сам заботится о сохранности своей доли.

– Да, – подхватил Чандлер.

Поколебавшись, Миш согласился:

– Да, наверное, так будет лучше.

Мейски пожал плечами:

– Как вам угодно, джентльмены. Мы, разумеется, позже проработаем все детали. Но, насколько я понимаю, план в целом вас устраивает?

– План отличный, – сказал Миш.

Мейски взглянул на Вэша:

– А вас?

– О да... я в точности выполняю все, что мне скажут, – заверил Вэш. – Мне кажется, план прекрасный.

Чандлер сказал:

– Меня только беспокоит один вопрос... Как вам удалось раздобыть эти схемы и всю остальную информацию? У кого вы все это купили?

Мейски неотрывно смотрел на тлеющий кончик сигареты.

– А вам точно хочется это знать, друг мой? – спросил он. – Мой источник не проговорится, не сомневайтесь. Я уже сам устранил эту ничтожную проблему.

Он вдруг взглянул на Чандлера, и тот вздрогнул, посмотрев в эти серые, холодные как льдинки глаза.

Глава вторая

Гарри Льюис, управляющий казино, аккуратно припарковал свой черный «кадиллак» модели «флитвуд» на свободное место перед полицейским управлением, заглушил мотор и вышел под утреннее солнце.

Льюису, высокому, тонкому, элегантно одетому мужчине, было под шестьдесят. Уже больше пятнадцати лет он руководил самым богатым казино в мире. У него был вид человека процветающего и в высшей степени уверенного в себе – так выглядят только обладатели больших состояний.

Он поднялся по ступенькам в дежурную часть, где за столом сидел сержант Чарли Таннер, разбираясь в куче рапортов о вождении в нетрезвом виде.

При виде Льюиса Таннер бросил рапорты и вскочил:

– Доброе утро, мистер Льюис. Чем могу помочь?

Полиция всегда встречала Льюиса как важного гостя. Все они знали, каким щедрым он бывает на Рождество и в День благодарения. Каждый детектив, каждый постовой получал на эти праздники по шестнадцатифунтовой индейке и бутылке скотча, и они понимали, что подобная щедрость обходится в целое состояние.

– Шеф у себя? – спросил Льюис.

– Конечно, мистер Льюис. Наверху, – сказал Таннер.

– Как здоровье супруги, Чарли?

Таннер счастливо заулыбался. Это была еще одна отличительная черта Льюиса. Кажется, он знал в Парадиз-Сити все и обо всех. Жена Таннера только что выписалась из больницы после выкидыша с серьезными осложнениями.

– Ей уже лучше, мистер Льюис... спасибо.

– Ты береги ее, Чарльз, – сказал Льюис. – Мы, мужчины, часто воспринимаем своих жен как должное. А куда мы без них? – Он толкнул по столу сложенную купюру. – Вот, побалуй ее... Женщины любят, когда их балуют.

Он двинулся к лестнице, которая вела в кабинет шефа полиции Террелла. У Таннера округлились глаза, когда он увидел, что сложенная купюра – двадцать долларов.

Льюис постучал в дверь Террелла, толкнул ее и вошел в маленький, скудно обставленный кабинет.

Шеф полиции Террелл, массивный мужчина с рыжеватыми, седеющими на висках волосами и агрессивно выдвинутой челюстью, разливал кофе по двум бумажным стаканчикам. Сержант Джо Биглер, его правая рука, развалившись всем своим крупным телом на скрипучем стуле с прямой спинкой, смотрел на кофе, как наркоман на дозу. Оба полицейских замерли, когда Льюис непринужденно шагнул в кабинет. Биглер вскочил с места. Террелл, улыбнувшись, потянулся за третьим стаканчиком.

– Привет, Гарри... ты рано, – произнес он. – Хочешь кофе?

Льюис придвинул к себе стул Биглера, отрицательно качнув головой.

– А вы оба, похоже, на одном кофе и живете, – заметил он. – Дел много?

– День только начинается... пока ничего особенного. Тебя что-то беспокоит?

Льюис выбрал сигарету из золотого портсигара. Биглер моментально поднес ему зажигалку.

– Фрэнк, когда сезон в разгаре, меня много что беспокоит, – сказал он. – Но завтра предстоит нечто особенное. И я подумал, хорошо бы переговорить с тобой. Завтра из Аргентины приезжают двадцать игроков экстра-класса, им не придется выиграть у нас немного денег. И этим ребятам плевать, сколько они при этом поставят. Наша работа – обеспечить им хорошую игру.

В казино будет очень крупная сумма, и я решил, что нелишне заручиться полицейской защитой. Думаю, ты сможешь мне помочь?

Террелл отхлебнул кофе, затем кивнул:

– Разумеется. Чего именно ты хочешь, Гарри?

– Завтра утром я привезу из банка три миллиона долларов наличными. В грузовике поедет четверо моих охранников, но мне бы хотелось еще и полицейский эскорт. Деньги огромные, и я хочу быть уверенным, что они придут в целости и сохранности.

– Запросто. Отправим с тобой шесть человек, – сказал Террелл.

– Спасибо, Фрэнк, я знал, что могу на тебя положиться. Еще мне нужно бы человека три-четыре на вечер. Неприятностей я не жду. У меня в распоряжении двадцать отличных охранников, но если какие-нибудь горячие головы увидят в зале полицию, это охладит их пыл.

– Я все устрою. Можешь взять Лепски и четырех патрульных.

Льюис кивнул:

– Лепски как раз тот, кто мне нужен. Что ж, спасибо, Фрэнк. – Он стряхнул пепел с сигареты и продолжил: – А как ситуация в целом? Не приехал ли кто-нибудь, о ком мне стоит знать?

– Нет. Было несколько желающих, но их опознали и завернули обратно. Судя по рапортам, которые я получал, в городе нет никого из серьезных людей. – Террелл допил кофе и начал набивать трубку. – Можешь расслабиться, Гарри. Я доволен. Мы действительно поработали над этим вопросом. Остается, конечно, небольшая вероятность, что какой-нибудь любитель захочет рискнуть, но, если принять дополнительные меры предосторожности, беспокоиться не о чем. – Он задумчиво поглядел на Льюиса. – У тебя ведь нет причин для беспокойства?

– Причин нет... я просто беспокоюсь.

– Ну так перестань. В котором часу ты забираешь деньги из банка?

– Ровно в половине одиннадцатого.

– Хорошо. Я отправлю в банк своих людей, и они проводят тебя. Идет?

Льюис поднялся.

– Что ж, так мне будет спокойнее, – сказал он и пожал полицейским руки.

Когда он вышел, Биглер потянулся за упаковкой с кофе.

– Три миллиона долларов! – В его голосе звучало негодование. – Бросать на ветер такую сумму! Только подумать, что можно сделать с подобными деньжищами... а их потратят на то, чтобы развлечь кучку латиносов.

Террелл поднял на него глаза, затем кивнул:

– Но это их деньги, Джо. И наша работа – обеспечить им сохранность. – Он щелкнул переключателем на переговорном устройстве. – Чарльз? Где Лепски? Он мне нужен.

В пятницу в семь утра Серж Мейски встал с постели, включил кофеварку и пошел принимать душ. Он побрился опасной бритвой, оделся, затем вернулся в маленькую кухню и налил себе чашку кофе. Отнес кофе в обшарпанную гостиную, сел и отпил глоток.

Пока что, решил он, все идет по его плану. Джесс Чандлер остановился в отеле «Пляж». Перри поселился в отеле «Залив», Миш Коллинз живет в гостинице «Солнечная», а Вэш – в мотеле «Добро пожаловать». Сегодня вечером все четверо приедут к нему в летний коттедж, чтобы отрепетировать отведенные им роли. Он остался доволен, познакомившись с ними, – на эту команду можно положиться. Миш Коллинз сделал разумный выбор.

Он допил кофе, сполоснул чашку с блюдцем, затем подошел к шкафу, в котором стояли две пластиковые канистры на пять галлонов⁴. Он наполнил их водой из-под кухонного крана. Из соседнего шкафа вытащил приличных размеров картонную коробку, полную консервных

⁴ Пять американских галлонов составляют около 19 литров.

банок. Отнес коробку к своему «бьюику», поставил в багажник. Затем вернулся в кухню и вынес обе пластиковые канистры, которые тоже поставил в багажник.

Его движения были неспешными и выверенными. Он ощущал свой возраст. Отчетливо сознавал, что ему уже шестьдесят два и любое усилие может пойти во вред.

Он замер на несколько секунд, проверяя, не забыл ли чего, затем, вспомнив о батарейках к фонарику, забрал их из ящика комода в гостиной, после чего решил, что теперь готов ехать.

Он запер дверь своего коттеджа, подошел к машине, уселся за руль и завел мотор.

Спустя полчаса, уже на шоссе за Сикомбом, одним из пригородов Парадиз-Сити, он перестроился в крайний правый ряд, а затем свернул на грунтовку, которая поднималась в горку, уходя в сосновый лес, охватывавший окрестности Сикомба и Парадиз-Сити.

Дорога была узкой, и он вел машину с осторожностью. Кто знает, вдруг даже в такой ранний час какой-нибудь лихач выскочит из-за поворота, а места здесь едва хватает, чтобы разминулись два автомобиля. Но он никого не встретил. Наконец, после двадцатиминутной поездки по лесу, он свернул с грунтовки на узкую колею, уводившую вглубь леса. Он сбросил скорость, чтобы посмотреть на табличку, которую собственноручно написал и повесил двумя днями раньше. На табличке значилось:

Охотничьи угодья. Частная собственность. Проход и проезд запрещен!

Одобрительно кивнув, он поехал дальше по колее. Табличка не выглядела новой. Даже он сам признал, что она выполнена превосходно и смотрится убедительно.

Еще несколько секунд, и он притормозил, съехал с колеи и, трясаясь по жесткой, сухой земле, выкатил на небольшую поляну, которую обнаружил, пока внимательно осматривал местность в поисках укрытия. Он уже соорудил здесь навес из трех больших веток и вырванных кустов – на эту работу у него ушло несколько дней. Сейчас он загнал «бьюик» под этот навес. Вышел, достал из багажника канистры с водой, довольно долго стоял, убеждаясь, что вокруг никого, а затем размеренно зашагал прочь с поляны вверх по тропе через заросли кустарника на поросший деревьями холм.

Две минуты неторопливой прогулки, от которой он слегка запыхался, и он остановился перед грудой валежника и пожухлой листвы. Отодвинув в сторону пару сухих веток, он нырнул под них и оказался в темной, пахнущей сыростью пещере, полностью скрытой этим камуфляжем, который он придумал на прошлой неделе.

Он постоял посреди пещеры, чтобы отдышаться. Его немного обеспокоило, что он так запыхался, кроме того, в груди что-то несильно, но угрожающе покалывало. Он поставил канистры с водой и подождал. Прошло несколько минут, он задышал свободнее, достал фонарик и обвел пещеру ярким лучом.

«Что ж, – подумал он, – ждать чудес не приходится. Я старею. Я слишком много работаю, но, по крайней мере, до сих пор все идет в точности так, как я запланировал».

Он осветил лучом фонарика спальный мешок, запасы провизии, транзисторный приемник и аптечку – все необходимое, чтобы провести в маленькой пещере шесть недель.

Он подошел ко входу в пещеру и прислушался, затем, довольный тем, что, кроме него, здесь нет ни души, спустился обратно к машине, чтобы забрать остальные привезенные вещи. Он повторил путь до пещеры, на этот раз медленнее переставляя ноги, чувствуя, как солнце все сильнее пригревает спину.

После чего еще раз осмотрел пещеру, чтобы с удовлетворением сказать себе: «Я ничего не забыл». Кивнув, он выбрался наружу и старательно уложил ветки, замаскировав вход.

Он спустился к «бьюику», сел за руль, оглядел кучу бурелома и палой листвы, скрывавших машину, одобрительно покивал, затем сдал назад и поехал обратно в свой коттедж в Сикомбе.

А Лана Эванс открыла глаза, на мгновение зажмурилась от солнца, проникавшего сквозь желтые жалюзи, тоненько застонала, переворачиваясь и прижимая к себе подушку. Но спустя несколько мгновений она уже окончательно проснулась и, сев в постели, взглянула на часы. Они показывали десять минут десятого.

Она откинула простыню, спустила ноги на пол и направилась в ванную. Завершив утренний туалет, вернулась в свою малюсенькую комнату, служившую разом спальней и гостиной, и подошла к комоду. Из-под тощей стопки белья вынула пачку стодолларовых купюр. Села на постель и принялась рассматривать свое богатство. Она ощущала, как кровь бурлит от волнения, смешанного со страхом. А вдруг кто-нибудь из казино узнает, что она рассказала тому маленькому человеку? Она уже не сомневалась, что он задумал ограбление казино. Лана поглядела на деньги и усилием воли заставила себя пожать плечами. В конце концов, от казино не убудет. Они неприлично богаты, а она...

Затем она беспокойно заерзала, нахмурившись. Но как объяснить Терри, откуда у нее вдруг появилось столько денег? Это будет не так-то просто. Терри ревнив. Он с подозрением относится к каждому мужчине из служащих казино, уверенный, что они ухлестывают за ней... Ну, в какой-то мере он прав, они ухлестывают, но она-то не отвечает. Хотя как раз в это ему трудно поверить. Ей придется проявить осмотрительность, объясняя, откуда на нее свалилось неожиданное богатство. Деньги, которые поначалу приятно волновали, теперь вызывали тревогу. Она встала с кровати и спрятала их обратно под свежестыранное постельное белье.

Лана подошла к окну и подняла жалюзи. Поглядела на море вдалеке, на солнце, играющее на ровной голубой глади, на яхты под желтыми и алыми парусами, выходящие из гавани.

Если бы только она могла сказать Терри правду, подумала она, но он же такой правильный. Нет, придется ей сохранить эту тайну. Она вернулась к кровати, и ее глаза засияли при виде коробочки с кремом для рук «Диана». Она взяла ее и сняла обертку.

Пусть он и проходимец, но вкус у него есть.

Лана больше не верила в миф о «Нью-Йоркере». Он дал ей две тысячи долларов – невероятно огромная для нее сумма – за ту информацию, какую она сообщила. И воспоминания об их сделке будут терзать ее совесть всю оставшуюся жизнь. Однако эта маленькая коробочка с кремом – самым шикарным из всех шикарных кремов для рук – должна означать, что в душе он человек добрый, пусть он и солгал ей, подкупил и заставил свернуть с прямого пути.

Она открутила крышку и поглядела на белую массу, которая едва уловимо пахла орхидеями. С величайшим тщанием и наслаждением она нанесла на руки смертоносный крем. Однако немного расстроилась, потому что это роскошное снадобье не подарило ей того удовольствия, на какое она рассчитывала. Ее мысли были слишком далеко. Она закрыла баночку и поставила на столик у кровати. И снова сосредоточилась на проблеме, как же убедить Терри, что никакой мужчина не причастен к ее только что обретенному богатству.

Позже, все еще терзаясь беспокойством, Лана закрыла глаза и задремала. Она продолжала твердить себе, что все получится как надо, она сумеет убедить Терри. Где-нибудь после обеда сходит в агентство по недвижимости и узнает, какие однокомнатные квартиры у них есть.

Спустя час, не вполне понимая, что успела провалиться в сон, она проснулась как от толчка, отчего-то ощущая озноб. Она в недоумении посмотрела на часы у кровати, увидела, что уже без двадцати одиннадцать. Подумала, что неплохо бы выпить чашечку кофе, только ей совсем не хотелось вылезать из постели. Теперь ей было не просто холодно – она чувствовала себя вялой и ослонелой. Все нарастающий озноб встревожил ее... неужели она заболевает? И вдруг, без всякого предупреждения, изо рта у нее хлынула желчь, и не успела она совладать со спазмом, как ее вырвало на постель. Она ощутила, что руки горят огнем.

Испуганная, Лана попыталась откинуть простыню и выбраться из постели, однако это усилие оказалось для нее слишком велико.

Все тело ее покрылось холодным липким потом, а руки горели, и в горле тоже появилось нестерпимое жжение.

Да что же это такое, подумала она с ужасом. Сердце билось все быстрее, ей стало трудно дышать.

Она заставила себя вылезти из постели, однако ноги отказались ее держать. Она скорчилась на полу, рука потянулась к телефону на столике рядом, но тщетно.

Лана открыла рот, чтобы позвать на помощь, но омерзительная, гнусно пахнущая желчь задушила крик, затекла в горло, поднялась через нос и выплеснулась на коротенькую розовую ночную рубашку.

Спустя полчаса в открытое окно заглянул черный лоснящийся персидский кот, которого она по сложившейся дружеской традиции подкармливала каждое утро. Кот постоял в ожидании, поглядывая на неподвижное тело, лежавшее в солнечном пятне, подергал усами, а затем спрыгнул с подоконника в комнату, звучно шлепнувшись на лапы.

С эгоистичным безразличием, свойственным кошкам, он деловито направился к холодильнику в кухне. Уселся перед ним и принялся ждать в тревожном нетерпении.

В половине девятого вечера Гарри Льюис вышел из своего кабинета и спустился в обитом красным бархатом лифте на второй этаж, кивнув мальчишке-лифтеру.

Загорелый парнишка в безукоризненно опрятной униформе казино, бутылочно-зеленого цвета с бежевой отделкой, и в белоснежных перчатках весь засветился, наклонил голову, польщенный тем, что его узнали.

То был любимый час Льюиса – казино начинало оживать. Больше всего на свете он любил выходить на большой, сильно выступающий балкон и смотреть вниз, на террасу, где его клиенты выпивали, болтали и отдыхали, прежде чем отправиться в ресторан, а затем – в игровые залы.

Полная луна превратила море в тихо мерцающее серебро. Вечер выдался теплый, лишь дул легкий бриз, шевеливший ветки пальм вокруг террасы.

Льюис стоял долго, опустив руки на балюстраду, и смотрел на столы, вокруг которых не было свободных мест. Увидел, как Фред, старший бармен, переходит от стола к столу, отдавая распоряжения, распределяя посетителей между многочисленными официантами, иногда останавливаясь, чтобы изящно пошутить или обменяться парой слов с кем-нибудь из завсегдатаев, но при этом он, не теряя бдительности, следил, чтобы никому из гостей не пришлось дожидаться своего напитка.

– Мистер Льюис...

Льюис обернулся, удивленно подняв брови. Он не любил, когда его отвлекают от излюбленного ритуала, однако, увидев перед собой хорошенькую смуглую девушку, он улыбнулся. Рита Уоткинс, старшая по хранилищу. Она работала у Льюиса уже пять лет, и он знал, что во всем может на нее положиться, благодаря ей хранилище работало спокойно и эффективно, и остальные девушки запросто справлялись с тяжелыми, монотонными обязанностями.

– А, Рита... добрый вечер. – Льюис внимательно смотрел на нее. – Что-то случилось?

Вопрос он задал автоматически. Рита приходила к нему только тогда, когда возникала проблема, которую сама она не могла разрешить, а такое случалось редко.

– Мне не хватает рабочих рук, мистер Льюис, – сказала она. Он смотрел на ее аккуратное черное платье, размышляя, сколько она за него заплатила. Так уж был устроен Льюис. Ему было любопытно все и всегда. – Лана Эванс не вышла сегодня.

– Правда? Она заболела?

– Не знаю, мистер Льюис. Час назад я звонила ей на квартиру, но никто не снял трубку. Мне нужен еще один человек. Можно, я возьму Марию Уэллс из главного офиса?

– Да, конечно. Передайте ей от меня, что она очень нас выручит. – Льюис улыбнулся. – Полагаю, она согласится. – Затем он задумался и вопросительно взглянул на Риту. – Очень странно, что Лана не вышла. Не припомню, чтобы она брала выходной, не предупредив. Вы говорите, трубку никто не снял?

– Именно так, мистер Льюис.

Льюис пожал плечами:

– Что ж, перезвоните ей позже.

Он улыбнулся и кивнул, отпуская ее. Рутинная проблема, и Рита с ней точно справится. Когда она ушла, он развернулся и снова оглядел террасу, затем, довольный, что вечер складывается по заведенному распорядку, прошел через большой игровой зал.

В этот час за столами с рулеткой сидели всего человек пятьдесят-шестьдесят завсегдаев: пожилые богатые жители Парадиз-Сити, которые намертво прирастали к столам с полудня до полуночи.

Он встретился взглядом с одним из крупье, который служил в казино последние одиннадцать лет. Крупье, толстый, лоснящийся, с глазами навывкате, почтительно кивнул управляющему, пододвигая лопаточкой стопку фишек к какой-то старухе, тянувшей к ним свои маленькие пухлые ручки.

Льюис заглянул в ресторан и перекинулся словечком с метрдотелем Джованни, которого он переманил из лондонского «Савоя» за внушительную сумму. Несколько первых туристов уже изучали гигантское меню, предложенное учтивым старшим официантом. Еще час – и ресторан затопит шумная толпа голодных гостей.

– Все хорошо, Джованни? – спросил Льюис.

– Прекрасно, сэр.

Метрдотель надменно поднял брови. Его оскорбляло само предположение, что в его ресторане что-нибудь может быть не хорошо.

Льюис изучил меню, которое протянул ему Джованни, и кивнул:

– Выглядит бесподобно. Завтра предстоит важный вечер. Будет что-нибудь особенное?

– У нас имеются куропатки и лосось из Шотландии. Молочный ягненок из Нормандии.

A plat de jour⁵ – это для туристов – будет соq au vin⁶. Месье Оливье из Парижа отправил нам самолетом свое новое блюдо... lapin et lamproie⁷.

Льюис, как полагается, выразил изумление:

– Значит, с голоду мы не умрем.

Высокий и худой метрдотель стряхнул со своего девственно-чистого смокинга несуществующую пылинку.

– Нет, сэр. С голоду мы не умрем.

Льюис прошел через ресторан, отметив, что на каждом столике стоит вазочка с орхидеями, хитроумно подсвеченными снизу. Он решил, что оформление столиков у Джованни просто бесподобно, но подумал и о стоимости, потому что Гарри Льюис был до крайности практичным человеком.

На террасе, где было шумно от разговоров и негромко наигрывал оркестр, он задержался, пока его не заметил старший бармен. Фред, коренастый, невысокий, уже начавший стареть человек, двинулся к своему патрону, сияя счастливой улыбкой на разгоряченном, красном лице.

– Похоже, будет знатный вечер, сэр, – сказал он. – Не хотите ли выпить?

– Не сейчас, Фред. Знатный вечер у нас будет завтра.

⁵ Дежурное блюдо (*фр.*).

⁶ Петух в вине (*фр.*) – классическое блюдо французской кухни из курятины.

⁷ Кролик и минога (*фр.*).

– Представляю себе. Ну ничего, мы справимся.

Заметив, что на другом конце террасы кто-то призывно щелкает пальцами, Фред развернулся и поспешил туда.

Довольный, что его машина работает без сбоев, Льюис вернулся в свой кабинет. Ему еще предстояло ответить на несколько писем, прежде чем он приступит к скромному ужину, накрытому прямо на письменном столе. Он и не подозревал, что сидевший за столиком напротив оркестра Джесс Чандлер, потягивая виски с содовой, наблюдал, как управляющий уходит с террасы.

Чандлеру было не по себе. План Мейски казался логичным, но тревожил масштаб поставленной задачи. Просидев на террасе час или даже больше, наблюдая за всеми этими людьми, высокомерными и уверенными в своем богатстве, поглядывая на размеренно вышагивающих охранников с револьверами 45-го калибра на бедре, ощущая спаянность всего коллектива казино, Чандлер осознал, что этот бастион миллионеров защищен пугающе надежно и всякий, кто замышляет здесь ограбление, берется не просто за крупное дело.

За свою часть работы он не переживал. Он был вполне доволен той ролью, какую отвел для него Мейски. Эта работа как раз ему по плечу. Он не сомневался, что сумеет болтовней проложить себе дорогу в хранилище. А по-настоящему его беспокоило то, что Мейски взял в дело Джека Перри. Чандлер знал о Перри все. Этому типу вообще несвойственны человеческие чувства. Если прижмет, он без колебаний начнет стрелять, а как раз насилия Чандлер всегда избегал и боялся. Если Перри устроит бойню – а он вполне на это способен, – всех их ждет большая беда. О Мише он знал, что тот талантливый технарь. О Вэше он не знал ничего, и на Вэша ему было плевать, но вот Перри по-настоящему пугал его.

Внезапно Чандлеру стало тошно от всей этой роскоши вокруг, он заплатил по счету и перешел в игровой зал. Задержавшись на минуту, чтобы осмотреться, он заметил четырех охранников в униформе, стоявших у лифтов, которые поднимали деньги из хранилища и спускали обратно. Все охранники были молодыми суровыми ребятами и находились в полной боевой готовности. Поморщившись, он прошел через изысканно украшенное фойе и забрал в офисе регистратора свой паспорт. В казино вливалась целая толпа, на всех дамах бриллианты и норковые манто – униформа богачей. Чандлер заметил, что некоторые из них поглядывают на него с интересом и их скучающие взгляды оживляются. Но он был не в настроении и потому не обращал на них внимания.

Спустившись по ровным широким ступеням в сад при казино, он увидел Джека Перри: тот вывернул из-за угла, в смокинге и с сигарой в зубах. Чандлер развернулся и пошел по узкой тропинке в сторону пляжа.

Мейски велел всем – разумеется, кроме Вэша, – взглянуть на казино и ознакомиться с местностью. Вот и Перри явился, только Чандлер не имел ни малейшего желания встречаться с ним.

Спустившись по длинной лестнице, он оказался на широком променаде, огибавшем закрытый пляж казино.

Здесь до сих пор еще оставалось несколько человек в купальных костюмах, некоторые выпивали, сидя за столиками, кто-то плескался в море. Он остановился, чтобы посмотреть на пару водных лыжников с зажженными факелами в руках – оба держались очень профессионально. Потом он пошел дальше, покинул пляж и двинулся по закругленной дорожке, которая должна была вывести его обратно к взятой напрокат машине, припаркованной у входа в казино.

Откуда-то из тени ему навстречу вышла девушка. На ней было белое платье с широкой юбкой в оборках, украшенное розами. Она была очень загорелой и привлекательной. Темные волосы обрамляли лицо, спускаясь до плеч. В руке она несла гитару.

Поскольку она сильно отличалась от богатых посетителей пляжа казино и еще показалась Чандлеру смутно знакомой, он притормозил и улыбнулся ей.

Она остановилась и взглянула на него. Свет фонаря заиграл на дешевенькой заколке с фальшивыми бриллиантами.

– Привет, Джесс...

Он оцепенел, но быстро пришел в себя. Он понятия не имел, кто она такая. «Моя беда, – подумал он, мысленно усмехнувшись, – что вокруг меня слишком много женщин. Я знаю, что мы встречались раньше, но кто она?»

– Привет, крошка, – сказал он, обворожительно улыбаясь. – Какое восхитительное тело в твоём платье.

Она засмеялась:

– Именно так ты сказал два года назад, когда мы познакомились почти что на этом самом месте... Только ты ведь не помнишь.

И тут он вспомнил. Два года назад он побывал в казино, потому что у одного его приятеля зародилась безумная идея войти туда с десятком вооруженных людей и обчистить столы. Он быстро отвергнул тот план, и его приятель, расстроившись, решил, что идея, наверное, не так уж хороша.

Чандлеру понравился город, и он тогда задержался на недельку. И когда он болтался вокруг казино, ему повстречалась эта девушка. Он даже вспомнил, как ее зовут. Лолита (ну и имечко по нашим-то временам!) Серавез. Она приехала из Бразилии и кое-как сводила концы с концами, работая в ресторанах самой низшей категории: пела и играла на гитаре. Однако ее искусственность в любовных утехах еще тогда произвела на Чандлера сильное впечатление. О ее способностях он узнал сразу же. Они только взглянули друг на друга, как сразу почувствовали взаимное притяжение, и десять минут спустя уже сжимали друг друга в объятиях на горячем песке, позабыв обо всем, кроме собственной страсти.

– Привет... Лолита, – сказал он. – Это самый счастливый момент в моей жизни. Пойдем куда-нибудь, где нам никто не помешает.

– Боже, Джесс... у тебя только одно на уме. – Она смотрела на него с обожанием. – Но что ты здесь делаешь?

– Не будем тратить время на пустые разговоры. – Он подхватил ее под руку. – Пойдем полюбуемся на море, пощупаем песочек. Детка... если бы ты знала, как я рад тебя видеть.

– Догадываюсь, – сказала она, идя с ним. – Это взаимно. Я тоже рада тебя видеть.

Вашингтон Смит закурил очередную сигарету. Он сидел у открытого окна в маленьком душном домике мотеля «Добро пожаловать». Мейски предостерег, чтобы он не болтался по улицам до десяти вечера, когда была назначена встреча в коттедже Мейски. И Вэш согласился. Кому охота видеть на улицах черномазого оборванца. Начнут задавать всякие вопросы. Вызовут полицию. Люди будут глазеть на него с презрением, как только белые богачи умеют глазеть на негра.

Миш Коллинз, вытянувшись на кровати, изучал схемы электропроводки казино. Он заехал за Вэшем на взятой напрокат машине. До встречи в коттедже Мейски у них оставалось еще полчаса.

– Что ты будешь делать со своей долей, Миш? – спросил Вэш, отворачиваясь от окна.

Миш отложил схемы. Сунул в рот сигарету и поднес к ней зажигалку.

– Ну... это же триста тысяч! Ничего себе куш, а? Я уже кое-что прикинул. Куплю небольшое суденышко. Мне всегда хотелось яхту. Ничего особенно навороченного, но достаточно просторную, чтобы можно было на ней жить. Найду себе какую-нибудь девчонку, и мы с ней отправимся по островам Флориды. Думаю, будет здорово: идешь себе под парусом, бросаешь якорь, когда захочется, меняешь девчонку, когда надоест, вкусно ешь. Вот такая жизнь по мне. – Он перевернулся на бок, чтобы видеть Вэша. – Ну а ты?

– Я всегда хотел стать врачом, – сказал Вэш. – Часть денег потрачу на учебу. А на оставшиеся куплю практику в Нью-Йорке.

– Ничего себе! – Миш был потрясен. – Думаешь, получится?

Вэш кивнул:

– Конечно. При таких деньгах, да если твердо поставить цель, нет ничего невозможного.

– Это верно... Но столько лет учиться! Да ну! Это точно не по мне. А подружку завести не хочешь, Вэш?

– Я хочу жену и семью, но с этим придется подождать. – Вэш выпустил дым через приплюснутые ноздри. – Как думаешь, Миш, нам удастся провернуть это дело?

– Да конечно. Мейски – настоящий талант. Мы выйдем оттуда с деньгами... это я тебе обещаю. Вэш, я не стал бы втягивать тебя в это дело, если бы сам не был уверен.

– Но все будет не так легко, как он расписывает.

– Да, верно, мы и не ждем, что будет легко. Нельзя получить триста тысяч, не попотев как следует.

– Да.

Вэш снова отвернулся к окну, а Миш, окинув его внимательным взглядом, взялся за схемы, но только теперь ему не удавалось сосредоточиться. Врачом он, видите ли, хочет стать! А у этого черномазого губа не дура. С чего это он взял, что кто-нибудь захочет лечиться у негритоса?

Миш ощутил, что внутри у него зреет досада. Нет, ну если парень при деньгах хочет себе женщину, яхту, много еды и выпивки – это понятно, а вот идея о том, чтобы стать врачом, вывела его из равновесия. Он спрашивал себя, да кто, черт побери, захочет становиться врачом, если есть деньги? Вот в этом была загвоздка. Это шло вразрез с его жизненной философией. Он знал, что врачи все время на ногах, у них нет ни минуты покоя, их вызывают по ночам, они сидят в тоскливых кабинетах, выслушивая чужие жалобы – от людишек, которым давно пора на кладбище, – тоже мне, мечта человека, у которого имеется триста тысяч!

Он отложил бумаги и снова взглянул на Вэша, который сидел, глядя в окно. Затем Миш покачал головой и пожал плечами. Да ладно, какого черта! Ему-то что за дело?

Полчаса спустя оба вышли из взятой Мишем напрокат машины – каждый нес по чемодану – и двинулись по узкой дорожке к коттеджу Мейски. Сквозь занавески из окна пробивался свет, и дверь распахнулась, стоило Мишу поднести палец к кнопке звонка.

Мейски жестом пригласил их в дом.

– Надеюсь, до сих пор все шло гладко, – сказал он, ведя их за собой в небольшую, кое-как обставленную гостиную.

Джек Перри уже был здесь; устроившись в единственном удобном кресле, он размеренно попыхивал сигарой. Вошедшим он равнодушно кивнул.

Мейски подошел к столу, на котором стояли бутылка скотча, стаканы и миска со льдом.

– Чандлера пока нет, – сказал он, – но мы можем начать и без него.

Он наполнил только два бокала, поскольку Вэш отрицательно помотал головой. Миш опустил свое крупное тело на стул, который заскрипел под его весом. Он взял один бокал, посмотрел, как Мейски протягивает Перри другой.

– Я попрошу вас примерить форму, – сказал Мейски. – Надеюсь, подойдет. Достать ее было непросто. А затем мы пройдемся по всему плану.

Звонок в дверь заставил его прерваться. Он пошел открывать и вернулся с Чандлером, который тоже принес с собой чемодан.

Чандлер вошел в комнату, кивнул всем остальным, поставил чемодан и взял бокал. Взглянув на него, Мейски понял, что тот недавно был с женщиной. Умиротворенного, пресыщенного выражения его красивого лица было довольно, чтобы Мейски пришел к такому выводу.

Это его нисколько не встревожило. В Чандлере он не сомневался, уверенный, что тот не проболтается, даже женщине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.